J 26
182

2007050017

Y 26
182

VI 4
т. 32

ЗАПИСКА ГОСУДАРСТВЕННАГО СЕКРЕТАРЯ

А. Н. Оленина

о засѣданіи Государственнаго Совѣта, по полученіи извѣстія о кончинѣ Императора Александра I.

Сообщено Н. И. Стояновскимъ [1]).

Знаменитое событіе въ исторіи Россійской, которому я былъ свидѣтель, въ 27-й день Ноября сего 1825 года, и въ коемъ я находился, по большей части, дѣйствующимъ лицемъ, должно остаться на долгія времена въ памяти вѣрныхъ сыновъ Отечества и служить примѣромъ для будущихъ вѣковъ, если примѣры дѣйствуютъ надъ гордостью ума человѣческаго!

Желая, чтобъ наши внуки, правнуки и такъ далѣе, между коими могутъ встрѣтиться и знаменитые историки, въ числѣ собираемыхъ ими свѣдѣній о царствованіи великодушнѣйшаго, въ несчастіи твердѣйшаго, а въ счастіи и славѣ скромнѣйшаго изъ Русскихъ Государей, однимъ словомъ, о вѣчно достойной памяти и истинно въ Бозѣ почивающемъ Александрѣ I-мъ, имѣли бы вѣрное, сколько можно, понятіе о событіи 27-го Ноября, я рѣшился положить на бумагѣ въ простотѣ сердца, безъ лицепріятія и съ тою вѣрностью въ разсказѣ моемъ, съ коликою можно упомнить дѣйствія

1) Рукопись эта, завѣщанная А. Н. Олениным, вмѣстѣ съ другими бумагами, внуку своему Григорію Оленину, бывшему помощникомъ Статсъ-Секретаря, по смерти сего послѣдняго въ 1843 г., досталось дочери его, Александрѣ Григорьевнѣ, супругѣ Н. И. Стояновскаго.

[Спб., 1877].

и сужденія, происходившія въ обыкновенной суматохѣ нечаянныхъ случаевъ, отъ коихъ зависятъ судьба частная и общественная.

Въ семъ то видѣ, любезныя дѣти, Петръ и Алексѣй, я постараюсь вамъ оставить память 27-го числа Ноября 1825 г.

Но прежде, нежели начать мою повѣсть о единственномъ, въ своемъ родѣ, подвигѣ, я долженъ вамъ нѣсколько словъ сказать о предшествовавшихъ оному обстоятельствахъ.

Двадцать пятаго числа Ноября, въ четвертокъ, князь П. В. Лопухинъ, въ девять часовъ утра, прислалъ мнѣ фельдъегеря съ тѣмъ, чтобъ я немедленно къ нему пріѣхалъ. Въ это самое время я былъ готовъ отправиться въ Императорскую Академію Художествъ для изслѣдованія несчастнаго самаго происшествія, а именно: о неумышленномъ нанесеніи жестокой раны гравировальнымъ инструментомъ ученику 3-го возраста Гурскому, товарищемъ его Глинскимъ, въ необдуманной дѣтской игрѣ. Такъ какъ карета моя была уже готова, я тотчасъ поѣхалъ къ князю П. В. Лопухину, котораго я засталъ еще не одѣтаго и разговаривающаго съ супругою и съ сыномъ своимъ. Княгиня и молодой Князь по обыкновенію вышли изъ комнаты, лишь только я вошелъ, а князь П. В. всталъ и повелъ меня изъ своей уборной въ спальную, гдѣ, открывши бюро, вынулъ изъ ящика письмо, писанное ему изъ Таганрога, 15-го сего Ноября, отъ барона Дибича, и оставилъ меня одного въ спальной для прочтенія о комъ? Вы можете себѣ представить, любезныя дѣти, какимъ я жестокимъ ударомъ былъ пораженъ, прочитавъ содержаніе сего письма, въ которомъ баронъ Дибичъ описывалъ быстрый и ужасный ходъ болѣзни Государя Императора (который въ день отправленія сего письма изволилъ исповѣдываться и пріобщиться Святыхъ Таинъ), заключилъ тѣмъ, что надежды весьма мало въ Его выздоровленіи!

Между тѣмъ, какъ я оканчивалъ письмо чтеніемъ, князь П. В. вошелъ въ спальную и говоритъ мнѣ: что скажешь на это? Пропали мы съ тобою, намъ придется ѣхать въ Сибирь! «За что ваша свѣтлость? отвѣчалъ я.—«Да развѣ ты забылъ пакетъ, который у насъ хранится въ архивѣ?»—Нѣтъ, не забылъ, ваша свѣтлость.—«Что же сдѣлать съ нимъ, сказалъ мнѣ князь, еслибъ случилось несчастіе? «То, что слѣдуетъ вѣрноподданному, отвѣчалъ я,—исполнить волю своего Государя».—«И я такъ думаю, говорилъ князь. Но что то будетъ съ нами?—«Что Богу угодно, ваша свѣтлость, я преждевременно горевать не умѣю».—«Это дѣло, сказалъ князь, но все надобно намъ быть наготовѣ, а потому хорошо, еслибъ ты не отлучался изъ дома, чтобъ при нуждѣ я бы могъ тебѣ дать тотчасъ знать, что случится».—«Я только съѣзжу въ Академію, отвѣчалъ я, для произведенія слѣдствія и ворочусь домой, гдѣ и буду сидѣть у моря и ждать погоды». Съ этимъ словомъ я простился съ княземъ П. В. и пошелъ отъ него по комнатамъ скорыми шагами, такъ что не замѣтилъ княгиню, сидящую на софѣ въ гостиной. Но услышалъ, что она говоритъ—«Алексѣй Николаевичъ меня уже не видитъ»,—я, ей поклонившись, остановился съ молодымъ княземъ, который шелъ мнѣ на встрѣчу. «Что у васъ за тайны съ батюшкою?» сказалъ онъ мнѣ. «Мало ли у насъ ихъ имѣется, отвѣчалъ я. Вѣдь не даромъ же онъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта, а я за урядъ государственный секретарь. Впрочемъ утро вечера мудренѣе, а мнѣ ѣхать надобно въ Академію». Тутъ я молодому князю, идучи по залѣ, разсказалъ несчастное академическое приключеніе и, не упоминая о содержаніи письма барона Дибича, простился съ нимъ на крыльцѣ

и поѣхалъ въ Академію. Окончивъ слѣдствіе я возвратился домой. Услышавъ, что полученъ курьеръ, отъ 17-го Ноября, который будто привезъ надежду о жизни возлюбленнаго нами Государя; съ другой же стороны, услышавъ разсѣваемыя по городу нелѣпости о принятіи уже какихъ то мѣръ къ управленію, въ случаѣ смерти Государя, я долгомъ почелъ тотчасъ написать записку къ князю П. В., въ которой я просилъ меня увѣдомить, какія именно получены извѣстія, а въ заключеніе объяснилъ мою мысль объ учрежденіи «Bulletins de santé» для успокоенія публики и уничтоженія всѣхъ пустыхъ слуховъ. Князь на мою записку таковою же мнѣ отвѣчалъ своеручно; въ ней онъ мнѣ сообщилъ списокъ съ письма имъ полученнаго отъ барона Дибича, отправленнаго изъ Таганрога 17-го Ноября, которое заключилось сими словами: «сего дня, т. е. 17-го, благодаря Всевышнему, положеніе Его Величества подаетъ намъ хотя слабую надежду». Въ заключеніи своей записки князь П. В. извѣщалъ меня, что Государыня Елисавета Алексѣевна пишетъ ко вдовствующей Императрицѣ, что «Государь Императоръ, при отправленіи письма, получилъ облег-«ченіе, пришелъ въ себя и просилъ бульону». Записку эту князь оканчивалъ сими словами: «вотъ тебѣ все, что знаю». — И такъ, любезныя дѣти, какъ то старшій изъ васъ, Петръ, весьма хорошо знаетъ, — мы провели этотъ вечеръ и ночь въ несносномъ положеніи, особливо для русскаго человѣка, надежды и страха.

По утру, 27-го ноября, не получивъ никакого новаго извѣстія въ десять часовъ утра, я отправился къ князю П. В. Лопухину, и засталъ его пишущимъ письмо къ С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору графу Милорадовичу, въ которомъ онъ кажется совѣтовалъ ему распорядиться о принесеніи Господу Богу благодарственнаго моленія за надежду къ облегченію болѣзни возлюбленнаго Государя Императора. Пока князь писалъ письмо я разговаривалъ съ молодымъ княземъ о посторонннихъ предметахъ. Наконецъ князь П. В. вышелъ къ намъ изъ своей спальни и послалъ письмо къ графу Милорадовичу съ фельдъегеремъ Колпадскимъ. Я остался тутъ до возвращенія посланнаго и разговоръ нашъ общій былъ о причинѣ болѣзни Государя Императора и о томъ болѣе, какъ онъ мало себя бережетъ. Между тѣмъ, фельдъегерь воротился и донесъ князю, что графъ Милорадовичъ словесно приказалъ сказать, что все будетъ исполнено. Это было около 10-ти часовъ въ исходѣ утра. Между тѣмъ, князь все ожидалъ курьера изъ Таганрога и вообще извѣстія о положеніи Государя Императора. Въ половинѣ или въ исходѣ 11-ти часовъ я рѣшился отправиться во дворецъ съ тѣмъ, чтобы тамъ побывать у графини Ливенъ для узнанія новыхъ какихъ нибудь вѣстей изъ Таганрога и при этомъ случаѣ посмотрѣть все ли у насъ въ порядкѣ въ архивѣ Государственной Канцеляріи и въ комнатахъ Государственнаго Совѣта. Пріѣхавъ по обыкновенію ко дворцу на такъ называемый, салтыковскій подъѣздъ и будучи сильно занятъ горестными размышленіями о болѣзненномъ положеніи Государя Императора, но весьма еще далекимъ отъ помышленія о смерти Его Величества, я, вышедъ въ нѣкоторой, необыкновенной мнѣ, разсѣянности изъ кареты, разсудилъ зайти въ архивъ, который расположенъ въ антресоляхъ надъ самою караульною или надъ гауптвахтою зимняго дворца.

Проходя мимо сѣней и дверей, изъ которыхъ караульные выходятъ къ сошкамъ, углубленный въ мои размышленія, я ничего на дворѣ не примѣтилъ, тѣмъ болѣе, что въ дверяхъ стояло много солдатъ, которыхъ я принялъ за новую смѣну. И такъ я пробѣжалъ мимо ихъ безъ дальнѣйшаго замѣчанія прямо въ архивъ. Тамъ, войдя

въ комнату—низкую, мрачную, расположенную подъ крѣпкимъ сводомъ, съ желѣзными въ полуокнахъ рѣшетками, я почувствовалъ какое то невольное содраганіе, котораго я прежде никогда не ощущалъ. Осмотрѣвъ желѣзный сундукъ, въ коемъ хранился за замкомъ и печатью князя П. В. Лопухина запечатанный пакетъ съ собственноручною на оном надписью Государя Императора Александра Павловича, каковой пакетъ былъ въ пакетѣ на имя князя П. В. Лопухина, а сей пакетъ въ пакетѣ на мое имя собственноручно Государемъ Императоромъ надписанномъ, что все мною было получено съ фельдъегеремъ 16 Августа 1823 года. Осмотрѣвъ, говорю я, цѣлость сундука, замка и печати, я, вышедъ изъ той комнаты архива, увидѣлъ въ сѣняхъ, что сторожа и мой человѣкъ, смотрятъ пристально въ окно на дворцовый большой дворъ. Побужденный любопытствомъ я также туда взглянулъ и что же я увидѣлъ, любезныя дѣти? Караулъ во фронтѣ, солдаты держащіе кивера и ружья на молитву,—правыя руки вверхъ поднятыя, пальцы сложенные къ присягѣ. Передъ фронтомъ налой, крестъ и евангеліе. Священникъ и діаконъ въ ризахъ, и первый изъ нихъ, читающій присягу на подданство—кому? спрашиваю я въ изступленіи. «Не знаю» отвѣчаетъ мнѣ г. Венигель, служащій въ семъ архивѣ. Съ симъ словомъ вбѣгаетъ опрометью другой чиновникъ, г. Веселовскій и, не узнавши меня, въ испугѣ и съ страшною, на лицѣ изображенною, горестью, кричитъ, сколько въ немъ духу было: присягаютъ Государю Императору Константину Павловичу! Вотъ милыя дѣти, какимъ неожиданнымъ образомъ я узналъ о кончинѣ царя и благодѣтеля моего Александра Павловича, при лицѣ котораго я провелъ, въ вѣрной ему службѣ, послѣдніе 25 лѣтъ моей жизни!

Нѣсколько опомнившись отъ сего жестокаго пораженія, я вбѣжалъ однимъ духомъ, не смотря на мою старость, въ прихожую комнату Совѣта, прямо къ окну, и вижу, что какой-то генералъ, по окончаніи присяги, принимаетъ отъ священника благословеніе. Не вѣря глазамъ своимъ, я спрашиваю у дежурнаго лакея Скородумова—«что это значитъ?» Сей придворный слуга хладнокровно мнѣ отвѣчаетъ: «Го«сударь скончался, всѣ пошли сейчасъ въ церковь присягать Константину Павло«вичу». За сими словами я бросился бѣжать въ церковь чрезъ холодный корридоръ и бѣлую галлерею. Въ церкви никого уже почти не было—налой стоялъ готовый съ евангеліемъ и крестомъ. Я спросилъ тутъ, не помню у кого, не видали ли они графа Милорадовича? — «Онъ въ кавалергардской» — кто-то мнѣ сказалъ. Я туда устремился и нашелъ его дѣйствительно въ лентѣ черезъ плечо, отдающаго приказанія какимъ-то офицерамъ. Я подошелъ къ графу и говорю ему: «кажется все «кончено, не нужно ли теперь собрать Государственный Совѣтъ»?—Графъ на это мнѣ отвѣчалъ громогласно, при фронтѣ стоящихъ въ ружье Кавалергардъ: «все» кон«чено ваше превосходительство—Великій Князь Николай Павловичъ и войско уже «присягнуло Государю Императору Константину Павловичу,—я Вамъ совѣтую скорѣе «собрать Государственный Совѣтъ, чтобы идти къ присягѣ».—Не отвѣчая ему ни слова, я побѣжалъ въ Совѣтъ, далъ приказаніе дежурному лакею встрѣчать гг. членовъ, если кто изъ нихъ пріѣдетъ и просить ихъ собираться въ комнатахъ Государственнаго Совѣта. Между тѣмъ поспѣшилъ домой, чтобы переодѣться и послать тотчасъ повѣстить гг. членовъ совѣта.

Вбѣжавъ къ себѣ въ переднюю я тотчасъ приказалъ находящимся при Государственной Канцеляріи дневальнымъ курьеру и почталіону,—приказалъ каждому тот-

часъ ѣхать къ нѣсколькимъ членамъ совѣта и словесно пригласить ихъ немедленно явиться въ чрезвычайное собраніе Государственнаго Совѣта. Чтобы ускорить этимъ дѣломъ я зашелъ въ отдѣленіе канцеляріи, которое находится при мнѣ по дѣламъ государственнаго секретаря, и найдя въ ономъ всѣхъ чиновниковъ къ сему отдѣленію принадлежащихъ, я поручилъ имъ также раздѣлить по нѣскольку членовъ Государственнаго Совѣта и тотчасъ къ нимъ ѣхать съ тѣмъ же приглашеніемъ. Чиновники, по лицу моему и по данному имъ порученію, догадываясь о причинѣ, стояли въ безмолвіи и въ страхѣ, одинъ изъ нихъ (г. Баскаковъ), устремивъ на меня неподвижные и полные слезъ глаза, спросилъ робкимъ голосомъ: «ваше превосходительство, неужели?» — «Да, мой другъ, отвѣчалъ я, государя у насъ не стало». Съ симъ словомъ Баскаковъ упалъ безъ чувствъ на полъ такъ мгновенно, что никто не успѣлъ его поддержать. По я паденіе его услышалъ въ другой комнатѣ, ибо стремглавъ спѣшилъ одѣваться. Приказавъ ему помочь водою и спиртами и надѣвъ ленту и шпагу, я бросился въ карету и поскакалъ къ князю П. В. Лопухину, ибо онъ, пока я былъ во дворцѣ, два раза за мною присылалъ фельдъегеря. Прискакавъ къ его дому, я князя не нашелъ, онъ уже отправился во дворецъ. Я велѣлъ во весь духъ скакать туда и вбѣжавъ по высокой и скользкой придворной лѣстницѣ, сколько силъ у меня было, по старости моей, я вошелъ, весь запыхавшись, въ комнату совѣта. Тутъ я уже нашелъ въ собраніи слѣдующихъ членовъ сего верховнаго сословія: 1) князя Лопухина, 2) князя Куракина, 3) адмирала Мордвинова, 4) адмирала Фонъ-Дезина, 5) графа Маркова, 6) министра юстиціи (князя Лобанова-Ростовскаго), 7) графа Литту, 8) князя Якова Лобанова Ростовскаго, 9) оберъ-егермейстера Пашкова, 10) тайнаго совѣтника Тутолмина, 11) адмирала Карцова, 12) генерала Сукина, 13) военнаго министра Татищева, 14) главноначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ Князя Голицына, 15) Министра Просвѣщенія адмирала Шишкова, 16) Министра Финансовъ генералъ-лейтенанта Канкрина, 17) князя Сергія Салтыкова, 18) тайнаго совѣтника Болотникова, 19) тайнаго совѣтника Сперанскаго. Всѣ сіи гг. члены Государственнаго Совѣта, разсѣянные по присутственной комнатѣ, занимались уже, сколько я могъ понять въ общемъ громкомъ ихъ разговорѣ, сужденіемъ по вопросу: открывать ли хранящійся въ архивѣ Государственной Канцеляріи пакетъ? Лишь только я показался въ комнату, князь П. В. Лопухинъ поспѣшно ко мнѣ обратился и спросилъ меня: «гдѣ же пакетъ?» — «Я тотчасъ его принесу», отвѣчалъ я, «онъ хранится, по журналу Госу«дарственнаго Совѣта, въ желѣзномъ сундукѣ за печатью вашей свѣтлости — въ «архивѣ». Князь А. Н. Голицынъ, случившійся тутъ близко, при входѣ въ совѣтъ, сказалъ мнѣ: «надобно поспѣшить раскрытіемъ и чтеніемъ пакета, чтобъ прекратить «скорѣе различные толки». — «Извините ваше сіятельство и ваши превосходитель«ства», сказалъ я, обращая рѣчь, по обыкновенію моему ко всѣмъ гг. присутствовавшимъ членамъ, — «извините, если я васъ заставлю нѣсколько подождать, но до «архива далеко, а я уже старъ, притомъ извѣстіе такъ неожиданно и такъ жестоко, «что у меня ноги подкашиваются». Не ожидая на сіе отвѣта я поспѣшилъ въ архивъ, гдѣ, снявъ печать по приказанію князя П. В. Лопухина, и отворивъ сундукъ, я вынулъ хранящійся въ ономъ пакетъ, во всей его цѣлости и тотчасъ понесъ въ Государственный Совѣтъ.

Пришедши, или лучше сказать, прибѣжавши съ нимъ въ прихожую комнату Государственнаго Совѣта, духъ у меня заняло и я принужденъ былъ попросить ста-

канъ воды. Придворный лакей Скородумовъ мнѣ его подалъ и я только вздохнувши передъ комнатою Совѣта, вошелъ въ оную, держа запечатанный въ рукахъ пакетъ и извиняясь передъ гг. членами, что за старостью уже моею я не могъ такъ скоро его принесть, какъ желалъ, и что прежде чтенія мнѣ необходимо нужно нѣсколько отдохнуть. Тутъ я засталъ гг. членовъ въ сильнѣйшемъ преніи по вопросу: распечатывать ли пакетъ или нѣтъ? Какъ они всѣ вмѣстѣ говорили сидя и стоя въ разныхъ мѣстахъ комнаты, то яснаго я ничего не могъ разслышать, кромѣ голоса графа Литты, который повторялъ: «надобно пакето распечатать и потомъ мнѣніе свое говорить». Между тѣмъ какъ я вслушивался въ разговоръ, сколько могъ, и прилежно разглядывалъ: всѣ ли наличные здѣсь гг. члены, въ собраніи находятся? коихъ недоставало тогда 4-хъ, а именно: графа Милорадовича, Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ланскаго, генералъ-лейтенанта Васильчикова и Управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ графа Нессельрода, — я былъ встрѣченъ Министромъ Юстиціи, который мнѣ сказалъ: «все это вздоръ дѣлаютъ, великій князь Николай Павловичъ изволилъ «присягнуть Государю Императору Константину Павловичу. Вѣдь покойный Государь «на мое имя такой же пакетъ прислалъ для храненіе въ сенатѣ, но я его не распе«чатаю и имъ не покажу. Если вы здѣсь хотите пакетъ вашъ раскрыть, то пора «было это кончить и сходку нашу распустить тѣмъ скорѣе, что мнѣ нужно идти «скорѣе къ присягѣ; и что я за тѣмъ только и остался». На сіе объясненіе князя Д. И. Лобанова-Ростовскаго я ему отвѣчалъ, «что въ собраніи нѣсколькихъ чле«новъ не имѣется, между прочихъ графа Милорадовича, и потому нужно ихъ подо«ждать, а за графомъ Милорадовичемъ я тотчасъ пошлю, ибо онъ во дворцѣ нахо«дится». — «Какая нужда ваше превосходительство», сказалъ мнѣ на это князь Д. И. Лобановъ, приступая ближе ко мнѣ, «какая нужда дожидаться еще кого либо, «развѣ насъ недовольно, и почему гр. Милорадовичъ лучше насъ, чтобъ его особенно «дожидаться». — «Онъ, конечно, не лучше вашего сіятельства», отвѣчалъ я князю, «но онъ здѣшній Военный Генералъ-Губернаторъ; онъ уже присягалъ Константину «Павловичу, онъ въ безпрестанныхъ теперь сношеніяхъ съ Великимъ Княземъ Нико«лаемъ Павловичемъ, а по всему тому его присутствіе, кажется, здѣсь весьма нужно; «впрочемъ, ваше сіятельство, это дѣло рѣшитъ г. предсѣдатель», и съ симъ словомъ я пошелъ къ моему мѣсту противъ предсѣдателя, который въ нетерпѣніи меня ожидалъ. Лишь только я противъ него сталъ, князь П. В. Лопухинъ встрѣтилъ меня вопросомъ, «что же ты не начинаешъ?» сказалъ онъ мнѣ.—«Нельзя еще», воскликнулъ я громогласно, за крайнею глухотою» князя П. В., особливо въ этотъ день.— «Почему нельзя?» — «Потому, что не всѣ гг. члены въ собраніи, между прочихъ «графа Милорадовича нѣтъ, а онъ во дворцѣ находится,—не прикажете ли къ нему «послать сказать, что засѣданіе Государственнаго Совѣта начинается?» — «Пошли, «да поскорѣе, — а то видишъ ли . . .» я не дождался окончанія рѣчи и выбѣжалъ въ прихожую комнату Совѣта и увидѣвъ тутъ стоящаго адъютанта Военнаго Министра г. Нащокина, я обратился къ нему съ просьбою, потрудиться сходить на половину ко вдовствующей Императрицѣ, чтобъ тамъ найти графа Милорадовича и ему сказать, что Совѣтъ его ожидаетъ. Г. Нащокинъ такъ былъ учтивъ, что не ожидая даже разрѣшенія своего генерала побѣжалъ на ту половину и черезъ нѣсколько времени воротился и объявилъ мнѣ, что графъ Милорадовичъ находится теперь во внутрен-

нихъ комнатахъ Государыни Императрицы и теперь его никакъ нельзя вызвать. Я съ этимъ отвѣтомъ вошелъ въ комнату Совѣта и отдалъ его князю П. В. — «Нечего «дѣлать, подождемъ», сказалъ онъ мнѣ. Послѣ сего я сталъ здороваться и разговаривать съ гг. членами Государственнаго Совѣта. Иные меня распрашивали о подробностяхъ кончины покойнаго Государя Императора. Адмиралъ Карцовъ спрашивалъ меня: «зачѣмъ мы собрались?» Князь А. Б. Куракинъ стоялъ подлѣ перваго окна комнаты весьма холодно мнѣ откланявшись, съ видомъ суровымъ мнѣ сказалъ: «Пора начинать».—Я отвѣчалъ: «что ожидаютъ гр. Милорадовича». Идучи отъ него къ М. М. Сперанскому, я опять былъ встрѣченъ княземъ Д. И. Лобановымъ-Ростовскимъ, который мнѣ повторилъ прежнюю свою рѣчь. Не отвѣчая ничего я подошелъ къ М. М. и удивлялся, съ нимъ вмѣстѣ, смѣлости князя Д. И. скрыть отъ свѣдѣнія сената столь важную бумагу — по собственному его произволу; поговоря объ этомъ, я пошелъ провѣдать, не вышелъ ли графъ Милорадовичъ отъ Государыни Императрицы. Идучи къ дверямъ Совѣта я встрѣтился съ княземъ А. Н. Голицынымъ. Онъ былъ пораженъ нечаяннымъ и ужаснымъ извѣстіемъ о кончинѣ возлюбленнаго имъ и его любящаго Государя. Печаль его была глубокая, искренняя, душевная, и потому онъ былъ покойному царю вѣренъ, хотя уже за гробомъ; мы вмѣстѣ отъ чистаго сердца, движимые однимъ чувствомъ къ покойному, пролили горькія слезы. Но не теряя духа, занялись тотчасъ предлежащимъ намъ дѣломъ. Князь мнѣ говорилъ, что пора поспѣшить распечатаніемъ пакета, чтобъ прекратить колебаніе мыслей. Я ему объяснилъ необходимость присутствія Военнаго Генералъ-Губернатора въ нынѣшнемъ собраніи Государственнаго Совѣта. Князь на это согласился, и я, спросивъ позволеніе у Министра Военнаго, послать вторично его адъютанта, тотчасъ отправилъ г. Нащокина за графомъ Милорадовичемъ. Наконецъ его нашли въ большомъ корридорѣ, дающаго какія то приказанія. Его сіятельство приказалъ мнѣ сказать, что онъ тотчасъ будетъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Съ симъ извѣстіемъ я вошелъ въ комнату Совѣта, донесъ о томъ г. предсѣдателю и пригласилъ по обыкновенію гг. членовъ къ засѣданію. Члены заняли свои мѣста. Графъ Милорадовичъ все еще не шелъ. И такъ общій разговоръ опять возобновился. Я сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, противъ предсѣдателя. Предсѣдатель Департамента Законовъ оберъ-егермейстеръ В. А. Пашковъ, вслушавшись въ разговоръ князя А. Н. Голицына, всталъ съ своего мѣста, и ставъ противъ него, между адмираломъ Мордвиновымъ и княземъ Куракинымъ, сталъ объяснять князю Голицыну, «что какъ уже извѣстно, что Великій Князь Ни«колай Павловичъ и войско присягнули уже Цесаревичу, какъ прямому наслѣднику «престола, то нѣтъ уже нужды Совѣту распечатывать порученнаго въ храненіе онаго «пакета, предоставя это волѣ новаго Императора». Князь Куракинъ и адмиралъ Мордвиновъ въ это время молчали.

Но князь Голицынъ, привставши съ мѣста, сказалъ В. А.: «если мы не будемъ «исполнять волю Государя, которому мы дали присягу на вѣрность, волю, которая «столь ясно ознаменована, потому только, что мы едва успѣли получить извѣстіе о «его кончинѣ, то какое понятіе о вѣрноподданнической нашей преданности будетъ «имѣть новый нашъ Государь?» Слезы потекли изъ глазъ В. А. Пашкова и князя Куракина, и первый молча отошелъ къ своему мѣсту. Наконецъ явился графъ Милорадовичъ и ставъ противъ предсѣдателя, за стуломъ адмирала Мордвинова, по правую мою руку, сказалъ громогласно: «я имѣю честь донести Государственному Со-

«вѣту, что Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Павловичъ изво-«лилъ учинить присягу на подданство старшему брату своему Императору Констан-«тину Павловичу, что онъ, Военный Генералъ-Губернаторъ и войско, Его Величе-«ству уже присягнули, и что онъ совѣтуетъ гг. членамъ Государственнаго Совѣта «прежде всего также присягнуть, а потомъ уже дѣлать, что угодно». По сему пред-ложенію послѣдовалъ опять общій разговоръ и сужденія, состоящія въ томъ, сколько можно было мнѣ понять: распечатывать ли пакетъ или нѣтъ? Я ожидалъ приказанія предсѣдателя. Не получая разрѣшенія и слыша подлѣ себя близко голосъ графа Милорадовича, приглашающаго только членовъ къ присягѣ, я всталъ съ мѣста и обратившись къ нему, державъ въ рукахъ пакетъ, обращенный собственноручною покойнаго Государя на ономъ надписью къ графу, сказалъ громко: «вашему сіятель-«ству извѣстна эта рука?»—«Конечно извѣстна»—отвѣчалъ графъ. «Не угодно ли «прочесть самимъ заключеніе сей надписи и рѣшиться распечатывать ли пакетъ или «нѣтъ».—«Я, ваше превосходительство, только скажу, отвѣчалъ графъ—что я совѣ-«тую идти къ присягѣ».—Послѣ сего я собравшись съ силами, не смотря на шум-ный довольно разговоръ между членами обращаясь къ г. предсѣдателю спросилъ. «приказано ли будетъ распечатать пакетъ или нѣтъ?»—Получивъ въ отвѣтъ, что должно это непремѣнно сдѣлать, согласно желанію многихъ гг. членовъ, я взялъ пакетъ въ обѣ руки и поднялъ его вверхъ, обративъ его печатью къ сидящимъ гг. членамъ, просилъ ихъ разсмотрѣть цѣла ли печать онаго. Поворачивая такимъ обра-зомъ пакетъ во всѣ стороны и получивъ въ отвѣтъ отъ многихъ: «видѣли», а отъ другихъ одобрительное киваніе головою, я, перекрестясь, сломалъ печать и вынулъ изъ него два листа бумаги: на одномъ была написана копія въ видѣ манифеста во всенародное извѣстіе, а на другомъ копія же письма на высочайшее имя. Обѣ были скрѣплены собственною рукою покойнаго Государя Императора.

Гг. члены сидѣли уже на своихъ мѣстахъ, а именно одинъ графъ Милорадо-вичъ стоялъ не на своемъ мѣстѣ, подлѣ меня по правую руку, за стуломъ адми-рала Мордвинова, который еще не успѣлъ явиться по приглашенію. Въ собраніи цар-ствовало глубокое молчаніе. Я приготовился читать вынутыя изъ пакета бумаги; провозгласивъ слово: копія, и началъ читать: Божіею милостію Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ и проч., и проч., и проч. При сихъ словахъ я не могъ себя пересилить и дыханіе во мнѣ остановилось. Слезы полились изъ глазъ моихъ. Многіе гг. члены, особенно А. Н. Голицынъ, находились въ томъ же поло-женіи. Я прекратилъ чтеніе на нѣсколько секундъ, и, переведя духъ, началъ сколько можно мнѣ было твердо и громогласно читать слѣдующее *(здѣсь выписать манифестъ до словъ: послѣ сего)*. Начиная читать слѣдующій за симъ періодъ и окинувъ его глазами, я опять сильно растрогался и едва могъ внятно кончить чтеніе сего манифеста. Такимъ образомъ, дрожащимъ и рыданіями прерывающимся голосомъ, я произнесъ заключеніе неожиданной никѣмъ бумаги, кромѣ князя А. Н. Голицына, которому покойный Государь Императоръ поручилъ всѣ три копіи своею рукою пере-писать, какъ то его сіятельство объявилъ собранію. Заключеніе сіе состояло въ слѣдующемъ (здѣсь все выписать до самаго конца и скрѣпу Государя Императора).

По прочтеніи сего манифеста, переведя только духъ, я, вслѣдъ за тѣмъ, про-читалъ копію съ письма Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича на имя покойнаго Государя Императора слѣдующаго содержанія *(здѣсь выписать вполнѣ все письмо)*.

По окончаніи чтенія молчаніе членовъ продолжалось. Графъ Милорадовичъ его прервалъ, повторяя первое свое предложеніе — идти всѣмъ къ присягѣ по желанію Великаго Князя Николая Павловича. Тутъ, въ общемъ, довольно шумномъ разговорѣ между гг. членами послѣдовавшемъ за третичнымъ предложеніемъ графа Милорадовича, мнѣ казалось, что я разслышалъ заявляемое ими вообще желаніе: сіе предложеніе графа Милорадовича имѣть счастіе слышать изъ устъ самого Великаго Князя Николая Павловича и потому просить Его Высочество о удостоеніи Государственнаго Совѣта своимъ посѣщеніемъ. По крайней глухотѣ князя П. В. Лопухина, которая въ этотъ день отъ разстройства мыслей еще болѣе усилилась, я рѣшился его свѣтлости громогласно объяснить то, что мнѣ казалось общимъ желаніемъ гг. членовъ Государственнаго Совѣта, столь согласнымъ съ достоинствомъ сего верховнаго сословія. Предсѣдатель, одобряя сію мысль, вмѣстѣ съ другими гг. членами, сталъ просить графа Милорадовича взять на себя трудъ убѣдительнѣйше просить Великаго Князя Николая Павловича удостоить Государственный Совѣтъ своимъ посѣщеніемъ, единственно въ томъ предметѣ, чтобъ изъ собственныхъ его устъ услышать непреложную его волю. Графъ Милорадовичъ охотно взялся исполнить сіе порученіе и тотчасъ отправился въ комнаты, гдѣ въ то время Великій Князь Николай Павловичъ находился. Гг. члены остались сидящими на своихъ мѣстахъ. Между тѣмъ явились въ собраніе члены Государственнаго Совѣта, которые только что получили приглашеніе къ засѣданію, а именно: генералъ-лейтенантъ Васильчиковъ и графъ Нессельродъ и просили меня дать имъ прочитать бумаги, которыхъ они не слышали. Я предложилъ имъ мои услуги для прочтенія. Графъ Нессельродъ съ своего мѣста подошелъ къ генералъ-лейтенанту Васильчикову — я сталъ между ими и прочелъ имъ какъ манифестъ покойнаго Государя Императора, такъ и отреченіе Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича. Графъ Литта, который сидѣлъ подлѣ г. Васильчикова, повторялъ иногда громко мною читаемое. Между тѣмъ графъ Милорадовичъ возвратился отъ Великаго Князя Николая Павловича и ставъ опять подлѣ моего мѣста объявилъ, что Его Высочество не считаетъ себя въ правѣ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ и потому не можетъ согласиться прибыть въ собраніе Совѣта. Тутъ опять возникъ общій разговоръ. Разсуждая съ близъ сидящими гг. членами, я полагалъ, что если Его Императорскому Высочеству неугодно самому пожаловать въ собраніе, то кажется весьма прилично будетъ достоинству сего верховнаго сословія испросить дозволеніе явиться in corpore предъ лице Его Императорскаго Высочества и, принявъ изустное его приказаніе, исполнить немедленно оное, какъ непреложное повелѣніе той высокой особы, которой мы въ семъ затруднительномъ обстоятельствѣ должны, по ближайшему соображенію, безмолвно повиноваться. Предложеніе сіе одобрено было гг. предсѣдателемъ и многими членами. Графъ Милорадовичъ снова былъ прошенъ объ исходатайствованіи у Его Императорскаго Высочества дозволенія членамъ Государственнаго Совѣта явиться самимъ предъ лице Его Высочества. Графъ принявъ сіе порученіе на себя, отправился вторично къ Его Императорскому Высочеству и вскорѣ возвратился съ милостивѣйшимъ отвѣтомъ и дозволеніемъ тотчасъ явиться къ Его Высочеству. Между тѣмъ вошли въ собраніе еще нѣкоторые члены, неуспѣвшіе явиться къ началу засѣданія, а именно: адмиралъ Мордвиновъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ Тутолминъ (князь же Н. И. Лобановъ-Ростовскій 2-й вовсе не былъ въ утреннемъ чрезвычайномъ собра-

нія Государственнаго Совѣта сего 27 Ноября, — а дѣйствительный тайный совѣтникъ Ланской пріѣхалъ во дворецъ, когда утреннее засѣданіе было уже кончено). Такимъ образомъ члены Государственнаго Совѣта подъ предводительствомъ предсѣдателя князя П. В. Лопухина и въ сопровожденіи меня, какъ исправляющаго должность государственнаго секретаря, поспѣшили явиться къ Его Высочеству Государю Великому Князю Николаю Павловичу. Я съ собою взялъ извѣстный пакетъ, вложивъ въ оный читанныя мною бумаги и держалъ его въ обѣихъ рукахъ. Выходя передъ тѣмъ для узнанія былъ ли графъ Милорадовичъ у Великаго Князя, я видѣлъ въ прихожей комнатѣ Совѣта оберъ-прокурора Правительствующаго Синода князя Мещерскаго, просившаго совѣта у князя А. Н. Голицына относительно открытія таковаго же пакета, присланнаго для храненія въ Правительствующемъ Синодѣ. Отвѣта князя Голицына я не слыхалъ. Лишь только мы всѣ вошли въ пріемную залу бывшихъ комнатъ Великаго Князя Михаила Павловича, то графъ Милорадовичъ пошелъ сказать о приходѣ нашемъ Великому Князю Николаю Павловичу. Его Высочество не заставилъ себя ждать, но вышедши изъ дверей внутреннихъ комнатъ, Онъ поспѣшно подошелъ къ намъ, стоящимъ въ кучѣ, по срединѣ комнаты и началъ тотчасъ намъ говорить. Я постараюсь сколько можно припомнить Его слова, хотя это весьма трудно будетъ, по чувствамъ, которыя насъ всѣхъ въ то время волновали и помрачали, такъ сказать, нашъ разсудокъ. Великій Князь, остановясь между нами и держа правую руку и указательный палецъ простертыми надъ своею головою, призывая, такъ сказать, сими движеніями Всевышняго во свидѣтели искренности его помышленій, являлъ въ лицѣ своемъ сколько можно ему было болѣе твердости, но глубокая грусть на челѣ его напечатлѣнная и слѣды горькихъ и многихъ слезъ по блѣднымъ его щекамъ, а также по времепамъ и судорожное движеніе всего тѣла, показывали какою сильною онъ былъ удручаемъ печалью. Въ этомъ ужасномъ положеніи онъ произнесъ слѣдующія слова: «Господа, я васъ прошу, я васъ убѣждаю, «для спокойствія государства, немедленно, по примѣру моему и войска, принять «присягу на вѣрное подданство Государю Императору Константину Павловичу. Я «никакого другаго предложенія не приму и ничего другаго слушать не стану». Тутъ Онъ былъ прерванъ рыданіями членовъ Государственнаго Совѣта и нѣкоторые голоса произнесли, между другими восклицаніями: «какой великодушный подвигъ!» — «Ника«кого тутъ нѣтъ подвига; воскликнулъ Великій Князь, въ моемъ поступкѣ нѣтъ дру«гаго побужденія, какъ только исполнить священный долгъ мой предъ старшимъ «братомъ. Никакая сила земная не можетъ перемѣнить мыслей моихъ по сему пред«мету и въ этомъ дѣлѣ. Я ни съ кѣмъ совѣтываться не буду и ничего не вижу до«стойнаго похвалы. Я исполняю мою обязанность и больше ничего. Мнѣ бы весьма «больно было, — продолжалъ онъ, если бы кто либо изъ васъ, милостивые государи, «могъ подумать, чтобъ я минуту на какой другой мысли могъ остановиться, кромѣ «присяги моей природному моему и вашему государю Константину Павловичу по «кончинѣ брата и благодѣтеля моего Александра».

Тутъ всѣ сдѣлали движеніе, чтобъ облобызать Великаго Князя Николая Павловича. Онъ многихъ предупредилъ, цѣлуясь и бравши за руку. Онъ тѣ же рѣчи повторялъ. Наконецъ не помню уже князь ли П. В. Лопухинъ или другіе гг. члены просили убѣдительнѣйше для совершенной очистки ихъ совѣсти передъ покойнымъ Государемъ Императоромъ прочитать его послѣднюю, такъ сказать, волю и отрече-

ніе Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича. Великій Князь Николай Павловичъ долго не могъ на усиленную нашу просьбу рѣшиться, объявляя намъ «что «онъ все это знаетъ, что дѣло это для него не было скрыто, но что онъ и тогда «далъ себѣ клятвенное обѣщаніе поступить въ случаѣ подобнаго несчастія по тѣмъ «правиламъ, по коимъ онъ нынѣ поступилъ. Что воли его никто препятствовать не «можетъ, и что августѣйшая его родительница, которой все это дѣло также совер- «шенно извѣстно, вполнѣ, одобряетъ его поступокъ». По многимъ убѣжденіямъ наконецъ для успокоенія членовъ Государственнаго Совѣта, Великій Князь, взявъ изъ моихъ рукъ пакетъ и вынувъ изъ онаго помянутыя двѣ бумаги, прочелъ ихъ про себя, показывая движеніемъ лица и тѣла знаки несогласія своего съ изложеннымъ въ манифестѣ положеніемъ, а также сожалѣнія и скорби, читая отреченіе Цесаревича. Положивъ сіи бумаги въ пакетъ и отдавъ мнѣ оный, онъ опять обратился къ членамъ и началъ ихъ убѣдительно просить, чтобъ они шли къ присягѣ, предлагая быть ихъ путеводителемъ въ церковь. Тогда Министръ Юстиціи князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій, приступивъ близко къ Великому Князю Николаю Павловичу и закинувъ голову назадъ по весьма невзрачному росту, его сіятельство объявилъ ему, что онъ имѣющагося у него въ храненіи подобнаго пакета для открытія въ Правительствующемъ Сенатѣ, послѣ сего уже не предъявитъ сенаторамъ, а возметъ къ себѣ, впредь до повелѣнія. Здѣсь кто-то изъ гг. членовъ Совѣта замѣтилъ, что такіе пакеты находятся еще въ Москвѣ и здѣсь въ Синодѣ. Великій Князь отвѣчалъ, что онъ по сему предмету приметъ надлежащія мѣры, и повторилъ требованіе свое идти къ присягѣ, на что гг. члены Государственнаго Совѣта, выслушавъ его волю изъявили общую и единодушную свою готовность. Съ симъ словомъ Его Высочество опять сталъ многихъ изъ нихъ лобызать и въ особенности князя А. Н. Голицына, котораго онъ, схвативъ обѣими руками за голову, цѣловалъ въ уста, въ очи и въ лобъ. Затѣмъ, объявя намъ, что вдовствующая Государыня Императрица желаетъ насъ видѣть послѣ присяги, повелъ немедленно членовъ Совѣта и меня для принятія оной.

Такимъ образомъ въ большой придворной церкви священникъ оной, не помню его по имени, привелъ насъ къ присягѣ, т. е. тѣхъ, которые еще не учинили оной,— ибо нѣкоторые, по незнанію, а другіе по торопливости, пріѣхавъ прежде во дворецъ исполнили сей обрядъ вслѣдъ за Николаемъ Павловичемъ, который къ сему дѣйствію приступилъ въ ту самую минуту, какъ узналъ о смерти Императора Александра. Я, по отправляемой мною должности, подписался послѣднимъ, заставя сперва ощупью подписать совершенно слѣпаго адмирала Фонъ-Дезена посредствомъ серебряной его табакерки, служащей ему линейкою. Между тѣмъ я все упрашивалъ гг. членовъ, чтобъ они дождались пока адмиралъ Фонъ-Дезенъ подпишетъ, чтобъ въ полномъ числѣ, а не по одиночкѣ, явиться къ пораженной до глубины сердца матери, неколебимою вѣрою и христіанскимъ смиреніемъ поддерживаемой.

Вышедши изъ церкви мы всѣ пошли въ такъ называемую кавалерскую залу; адмирала Фонъ-Дезена вести я отдалъ на попеченіе придворному лакею. Не успѣли мы только всѣ собраться, какъ баронъ Альбедиль пригласилъ насъ войти въ готъ-лисовую комнату, въ которой вдовствующая Государыня Императрица обыкновенно принимаетъ званыхъ къ небольшимъ ея обѣдамъ. Не успѣли мы въ нее войти, какъ насъ позвали въ ея кабинетъ. Здѣсь насъ ожидала плачевнѣйшая и величественнѣйшая живая картина, какую можно въ жизни видѣть.

Двери въ кабинетѣ растворились. Неподалеку отъ нихъ на креслахъ сидѣла вдовствующая Государыня Императрица въ бѣломъ коленкоровомъ платьѣ. Въ такихъ же одеждахъ стояли за ней двѣ невѣстки, разливающіяся въ слезахъ: Великая Княгиня Александра Оеодоровна стояла по лѣвую руку Государыни, а Великая Княгиня Елена Павловна по правую, подлѣ нея стоялъ Великій Князь Николай Павловичъ, и когда мы вошли онъ цѣловалъ свою неутѣшную супругу. Государыня сидѣла въ креслахъ въ совершенномъ, но величественномъ отчаяніи. Она не плакала, не рыдала, но глаза ея были тусклые и все лицо покрыто было красными и блѣдными пятнами. Тутъ, забывъ обыкновенный придворный этикетъ, мы бросились къ ней и ее окружили безъ всякихъ чиновъ, она заговорила и мы всѣ зарыдали. — «Хотя въ положеніи моемъ, — говорила вдовствующая Государыня Императрица, — «мнѣ весьма тяжко чѣмъ либо другимъ заниматься, кромѣ настоящимъ моимъ несча- «стіемъ, но я хотѣла васъ видѣть, что бы вамъ изустно подтвердить, что мнѣ совер- «шенно извѣстно положеніе, сдѣланное моимъ Александромъ въ разсужденіи Ни- «колая, — мнѣ извѣстно и я васъ увѣряю, что все это сдѣлано по доброй волѣ и по «непринужденному согласію моего Константина, но что со всѣмъ тѣмъ я совер- «шенно соглашаюсь и одобряю поступокъ этого ангела», — взявъ Великаго Князя Николая Павловича, который уже подлѣ нея стоялъ, за руку. Тутъ всѣ, кто только ближе стоялъ къ Ея Величеству, бросились къ ея рукамъ, чтобъ ихъ облобызать. Она, привставъ изъ своихъ креселъ и жалуя руки свои намъ, продолжала свою рѣчь, но разслушать нельзя было ничего другаго какъ то только, что она заповѣдывала намъ служить новому Императору усердно и ревностно. Разслушивать же въ подробности ея слова было трудно за измѣняющимся ея отъ рыданія голосомъ и за общимъ, такъ сказать, нашимъ плачемъ и стономъ. Въ семъ то положеніи мы возвратились въ комнаты Государственнаго Совѣта, гдѣ члены, за позднимъ временемъ (это было близко двухъ часовъ пополудни, а началось въ 12 ч. 55 м.) положили: собраться для подписанія журнала всѣхъ сихъ происшествій въ 7 часовъ вечера того же самаго дня. Члены стали разъѣзжаться, а я оставался въ присутственной комнатѣ для прочтенія извѣстныхъ бумагъ дѣйствительному тайному совѣтнику Тутолмину, который ихъ не слышалъ за позднимъ пріѣздомъ. Такимъ образомъ я поѣхалъ домой около 3-хъ часовъ. Перехватя нѣсколько за обѣденнымъ столомъ, — я занялся составленіемъ журнала; въ восьмомъ часу онъ былъ готовъ. Я привезъ его въ Государственный Совѣтъ, гдѣ всѣ наличные здѣсь члены уже собрались, кромѣ графа Милорадовича. Извинясь предъ ними въ нѣкоторой моей медленности, причиною которой была непомѣрная моя по лѣтамъ усталость, я, сѣвъ на свое мѣсто и прочитавъ журналъ и приготовленное на черно заключеніе; по одобреніи гг. членами того и другаго, я послѣднее тотчасъ приказалъ въ канцеляріи приписать къ журналу (въ это время въ канцеляріи находился г. статсъ-секретарь Марченко, всѣ помощники статсъ-секретарей и прочіе чиновники, которыхъ я созвалъ, думая ихъ вести къ присягѣ, но такъ какъ слишкомъ уже было поздно, то я это дѣйствіе отложилъ до будущаго утра). При входѣ моемъ съ готовымъ журналомъ князь А. Н. Голицынъ шепнулъ мнѣ, что великій князь Николай Павловичъ желаетъ журналъ нашъ видѣть по подписаніи. Такимъ образомъ прочитавъ приписанное заключеніе я подалъ журналъ къ подписанію г. предсѣдателю, отъ котораго оный по обыкновенію былъ переданъ гг. членамъ на тотъ же предметъ. По окончаніи сего обряда, я объявилъ

присутствующимъ, по порученію предсѣдателя, что засѣданія Государственнаго Совѣта будутъ продолжаться, а дѣла производиться, впредь до особаго повелѣнія, точно такъ какъ до селѣ было установлено. Засѣданіе симъ закрылось и члены начали разъѣзжаться. Я подошелъ къ несчастному слѣпому старцу, къ адмиралу Фонъ-Дезену, который смиренно ожидалъ, чтобъ я ему подносъ журналъ къ подписанію, что я тотчасъ и исполнилъ, поставя его табакерку на то мѣсто, гдѣ должна быть его подпись, и давъ ему въ руки перо, обмакнутое въ чернила. Слѣпой старецъ уткнулъ его въ табакерку и подписалъ свое имя. Я немедленно позвалъ придворнаго лакея Скородумова и отдалъ ему адмирала Фонъ-Дезена на руки, чтобъ вывести его изъ комнатъ Совѣта, а самъ съ журналомъ поспѣшилъ къ Великому Князю Николаю Павловичу. Его не было въ занятыхъ имъ комнатахъ, онъ еще находился при августѣйшей своей родительницѣ. Это было ровно въ 9 часовъ 45 минутъ вечера. Я побѣжалъ, сколько ноги меня тогда носили, на половину ко вдовствующей Государынѣ Императрицѣ, гдѣ я приказалъ объ себѣ доложить Великому Князю Николаю Павловичу. Его Высочество тотчасъ ко мнѣ вышелъ и пошелъ со мною въ свою спальную комнату. Тутъ ставши противъ трюмо, гдѣ поставлены были свѣчки, онъ началъ прилежно читать журналъ и когда въ ономъ дошелъ до мѣста, гдѣ сказано было, что «Государственный Совѣтъ желалъ явиться предъ лице Его Высочества, дабы удостоиться изъ собственныхъ его устъ услышать *великодушную его рѣшимость!*» Онъ скорыми шагами пошелъ къ столу, который стоялъ въ углу комнаты и взявъ карандашъ началъ это мѣсто перечеркивать, говоря: «тутъ нѣтъ никакого велико«душія съ моей стороны, я исполнилъ долгъ, и больше ничего». Я замѣтилъ его Высочеству, что журналъ уже подписанъ гг. членами Совѣта. «Какъ же съ этимъ «быть, я очень желаю, чтобъ это было иначе сказано и въ томъ самомъ смыслѣ, въ «какомъ я это сдѣлалъ». Я отвѣчалъ Его Высочеству, что я доложу г. предсѣдателю, который, конечно, согласится сіи слова замѣнить другими, ибо сія переправка существа дѣла никакъ не перемѣнитъ,—а завтра по утру я этотъ журналъ съ переправкою представлю на благоусмотрѣніе Его Высочества. Великій Князь успокоился симъ отвѣтомъ и дочитавъ журналъ отдалъ мнѣ его, и взялъ меня за руку, сказалъ: «кажется мы всѣ наше дѣло сдѣлали и совѣсть наша чиста и можетъ быть спокойна». У меня слезы навернулись и духъ захватило—я молча поцѣловалъ его въ грудь и ушелъ изъ комнаты, поспѣшая домой, чтобъ успѣть до полуночи списать копію съ журнала и заготовить двѣ докладныя записки, для предсѣдателя и для меня, чтобъ все это отправить не позже назначеннаго времени съ фельдъегеремъ къ Императору Константину Павловичу, къ которому посланнаго Великій Князь совѣтывалъ направить на Дубно, для того, что если Его Величество не выѣхалъ изъ Варшавы, то фельдъегерь туда повернетъ, если же онъ уже проѣхалъ Дубно, то онъ вслѣдъ за нимъ поскачетъ въ Таганрогъ. Пріѣхавъ домой, я все это исполнилъ и замѣнивъ слова: *услышать великодушную его рѣшимость*, словами: *услышать непреложную его по сему предмету волю*, поѣхалъ въ 12 часовъ ночи къ князю П. В. Лопухину, котораго я засталъ уже ложащагося спать,—однако же онъ тотчасъ вышелъ изъ своей спальни, прочиталъ бумаги и поблагодарилъ меня за изготовленную мною для него записку. По подписаніи оной я поскакалъ къ Министру Военному Татищеву, гдѣ я его засталъ сидящаго въ своемъ кабинетѣ съ женою своею, генералъ-маіоромъ Воропановымъ и съ нѣсколькими чиновниками военнаго мини-

стерства. Лишь только я вошелъ А. Н. мнѣ сказалъ: «я радъ, что вы пріѣхали, у «меня фельдъегерь давно уже готовъ». Я попросилъ сургуча, чтобъ запечатать пакетъ и вручая его А. Н. сказалъ ему, что Великій Князь Николай Павловичъ совѣтуетъ послать фельдъегеря въ Дубно. «Я радъ, отвѣчалъ мнѣ А. Н., исполнить волю Его «Высочества, я все съ ихъ приказанія поступаю». Распростившись съ А. Н. и выходя изъ дверей его дома на улицу, увидѣвъ готовую уже фельдъегерскую тройку, я поѣхалъ домой. Ѣдучи же отъ себя къ князю Лопухину, т. е. отъ Краснаго моста на Мойкѣ всей перспективой до Литейной и обратно до Большой Морской, кромѣ горящихъ фонарей на улицѣ, я ни въ одномъ домѣ огня не видалъ и кромѣ моей кареты, никакого другаго экипажа не слыхалъ. Не видѣлъ даже ни одного коннаго или пѣшеходца, и только мнѣ слышался глухой стукъ колесъ моей кареты и бѣгъ моихъ лошадей, да изрѣдка перекличка часовыхъ и ночныхъ стражей. Такимъ образомъ я пріѣхалъ къ себѣ и раздѣвшись какъ можно скорѣе въ крайней душевной и тѣлесной усталости бросился въ постель, съ ужаснымъ ломомъ въ ногахъ. Вы можете себѣ представить, любезныя дѣти, какую ночь я провелъ, просыпаясь безпрестанно, отъ ужасныхъ сновъ, производимыхъ необыкновеннымъ волненіемъ крови.

На другой день, сдѣлавъ дома надлежащія по канцеляріи распоряженія, въ 9-мъ часу я отправился къ князю А. Н. Голицыну, котораго я засталъ приказывающимъ что-то г. Булгакову. Князь былъ уже одѣтъ; мы вмѣстѣ поплакали о покойномъ нашемъ Государѣ и благодѣтелѣ, послѣ чего, около 10-ти часовъ утра, я отправился во дворецъ, гдѣ я въ канцеляріи Совѣта нашелъ г. статсъ-секретаря Марченко, всѣхъ помощниковъ статсъ-секретаря и всѣхъ чиновниковъ государственной Канцеляріи. Приведя ихъ къ присягѣ въ большой придворной церкви, я тотчасъ озаботился получить отъ князя Петра Васильевича печать его, чтобъ, во исполненіе принятаго Государственнымъ Совѣтомъ положенія хранить опять извѣстный пакетъ въ архивѣ Государственной Канцеляріи, въ томъ же желѣзномъ сундукѣ, за моимъ ключемъ и за печатью предсѣдателя впредь до повелѣнія. Князь П. В. пріѣхалъ уже во дворецъ, но мы какъ-то разошлись. Онъ, узнавъ о намѣреніи моемъ, отдалъ печать одному изъ нашихъ чиновниковъ. Исполнивъ въ архивѣ положеніе Государственнаго Совѣта я поспѣшилъ показать исправленный журналъ Великому Князю Николаю Павловичу. Вошедъ въ пріемную комнату я просилъ дежурнаго адъютанта доложить обо мнѣ Его Высочеству. Великій Князь приказалъ меня тотчасъ позвать и послѣ нѣкотораго привѣтствія взялъ у меня журналъ, на которомъ я ему показалъ исправленное мѣсто, но онъ изъявилъ желаніе вторично прочитать журналъ. Прочитавъ его прилежно, когда уже онъ читалъ имена подписавшихся членовъ, я ему сказалъ, что однимъ (графомъ Милорадовичемъ) еще не подписано. «Онъ здѣсь—отвѣчалъ Великій Князь—ему нужно также подписать»,—что и было вслѣдъ за тѣмъ мною исполнено. Великій Князь опять меня взялъ за руку, повторилъ мнѣ то же, что говорилъ вчера—я его опять облобызалъ и такъ мы съ нимъ разстались.

13-го числа Декабря 1825 года, въ Воскресенье поутру, около 12-ти часовъ, я заѣхалъ во дворецъ, чтобъ освѣдомиться о здоровьи Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и записавъ свое имя на листѣ пріѣзжающихъ по сему предмету во дворецъ, я пошелъ въ Эрмитажъ чтобъ повидаться съ г. Келлеромъ. Въ переходной галлереѣ, изъ эрмитажа въ георгіевскую залу и въ дворцовую церковь, я встрѣтилъ К. А. Нарышкина, идущаго въ мундирѣ съ лентою черезъ плечо скорыми шагами на полови-

ну къ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Онъ былъ этотъ день веселъ и привѣтливъ, а потому и остановился со мною говорить.—Въ рѣчахъ своихъ онъ нечаянно проговорился и открылъ мнѣ, что ожиданія наши кончились и что у насъ рѣшительно будетъ императоръ тотъ, кому отъ покойнаго сей санъ переданъ былъ по волѣ и собственному желанію старшаго по немъ брата. Однимъ словомъ онъ, прощаясь со мною, сказалъ: будьте готовы по Совѣту къ повѣсткѣ, завтра или послѣ завтра должно будетъ поздравлять; о томъ иду спросить у Императора. Что это я проговорился—впрочемъ вы человѣкъ который умѣетъ тайну сохранить, прощайте». Съ симъ словомъ онъ отъ меня удалился, а я, прошедши нѣсколько шаговъ впередъ, размыслилъ, что при такомъ обстоятельствѣ мнѣ по должности приличнѣе быть дома, чтобъ на всякій случай быть готовымъ къ исполненію приказаній. И такъ, побывавъ на квартирѣ въ Эрмитажѣ у г. Келлера и попросивъ его отыскать греческія или римскія медали, на которыхъ бы изображены были древніе корабли, для нужной мнѣ по технологіи справки, я воротился и пошелъ къ графинѣ Ливенъ. Тамъ я нашелъ шталмейстера Долгорукова, который всякимъ образомъ старался выѣдать у почтеннѣйшей старухи что либо новенькаго касательно общаго тогда вопроса: кто же у насъ будетъ императоръ? Но тщетно.—Старуха въ противность свойственной женщинамъ болтливости, ничего прямо ему не отвѣчала, ни на счетъ того кто у насъ будетъ Государемъ ни о здоровьи Императрицы Елисаветы Алексѣевны ни даже какъ и когда будетъ рѣшено о траурѣ. Отвѣты ея были одни и тѣже, изломаннымъ французскимъ нарѣчіемъ: On lé diz, mon prince, — mé ché né lé cé paspour zir — и тому подобные отвѣты. — Mais madame la comtesse, on dit qu'il y a des couriers arrivés de Warsowie, mais qu'on les a mis au secret. — Chez nén cé rien, mon prince, ché né lé pas entendi. — Послушавъ нѣсколько этотъ безполезный для меня разговоръ, я рѣшился ѣхать домой и сидѣть у себя въ ожиданіи какого нибудь приказанія. Вотъ я спокойно у себя расположился и началъ преравнодушно докапчивать небольшое объясненіе гомерическихъ техническихъ рѣченій, по просьбѣ Н. Н. Гнѣдича. Я не ошибся въ моихъ ожиданіяхъ. Не прошло часа (это было около двухъ часовъ пополудни), какъ вдругъ отворяется дверь въ мой кабинетъ, и кто же входитъ? Самъ престарѣлый и слабый по лѣтамъ и по духу, князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, держа въ одной рукѣ два пакета, а въ другой шляпу и палку. И, не успѣвъ еще духа перевести, подаетъ мнѣ оба и говоритъ: «на, вотъ, читай, я привезъ тебѣ самъ и письмо ко мнѣ Великаго Князя Николая Павловича и мою къ тебѣ записку по сему предмету». — «Что это ваша свѣтлость, отвѣчалъ я ему, давно ли вы записались въ курьеры?» —«Ну, ты, говори»,—сказалъ князь, «вѣдь братецъ у страха глаза велики, —ты видишъ какія времена», прибавилъ онъ пожимая плечами, въ разстроенномъ видѣ. — «Сдѣлайте милость, сядьте, ваша свѣтлость, отдохните хоть немножко». — «Нѣтъ, братецъ, я не отдыхаю и не сплю — прочти-ка скорѣе эти бумаги да отдай мнѣ подлинникъ, а самъ велѣдствіе того распорядись». — Вотъ я принялся тотъ часъ за чтеніе письма Великаго Князя Николая Павловича и записки князя Петра Васильевича, которая гласила слѣдующее:

Милостивый Государь мой Алексѣй Николаевичъ!

«Сейчасъ получилъ я отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Ни-
«колая Павловича записку слѣдующаго содержанія:

Князь Петръ Васильевичъ!

Имѣя порученіе отъ Государя Императора сообщить Высочайшую волю Государственному Совѣту, прошу Васъ покорнѣйше приказать собраться оному секретнымъ собраніемъ въ восемь часовъ пополудни. — Съ непремѣннымъ уваженіемъ имѣю честь быть искренно доброжелательнымъ.

«Прошу посему тотчасъ господъ членовъ извѣстить, чтобы безъ малѣйшаго «разглашенія собрались въ Государственный Совѣтъ въ 8-мъ часу пополудни, сего «числа, непремѣнно».

«Въ прочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосхо«дительства покорнѣйшій слуга

«Князь Петръ Лопухинъ».

«Декабря 13-го дня 1825 года».

Успокоивъ князя на счетъ вѣрнаго и скораго исполненія сего приказанія, я, распростившись съ нимъ, тотчасъ сѣлъ писать повѣстки къ гг. членамъ Государственнаго Совѣта, частью самъ, а частью чрезъ А. И. Ермолаева, какъ экспедитора Государственной Канцеляріи.—Повѣстки сіи были слѣдующаго содержанія:

«Отъ Государственной Канцеляріи почтительнѣйше извѣщается: что сегодня т. е. «13-го Декабря, въ Воскресенье, назначено въ Государственномъ Совѣтѣ *секрет«ное общее собраніе онаго*, которое начнется ровно въ 8 часовъ вечера».

«13 Декабря 1825 года».

съ надписью на пакетѣ:

«*Весьма нужное—въ собственныя руки*»

Таковыхъ записокъ было послано всего двадцать пять къ наличнымъ Господамъ Членамъ Государственнаго Совѣта [1]).

Такимъ образомъ, перехватя нѣсколько пищи за обѣдомъ и полежавъ съ полчаса, но безъ сна, будучи мысленно озабоченъ порядкомъ будущаго засѣданія, — я всталъ и началъ собираться ѣхать во дворецъ. Прибывъ туда въ седьмомъ въ началѣ, въ семь часовъ ровно, я приказалъ зажечь всѣ свѣчи въ комнатахъ Совѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ пошелъ въ бывшія комнаты Великаго Князя Николая Павловича. — Тутъ, сказавъ, чтобъ обо мнѣ доложили, я былъ тотъ часъ допущенъ до Его Высочества. — Представя ему чертежъ расположенія столовъ и мѣстъ въ присутственной комнатѣ Государственнаго Совѣта, я получилъ отъ Его Высочества приказаніе: объявить Совѣту, что онъ съ часа на часъ ожидаетъ возвращенія Великаго Князя Михаила Павловича и будетъ съ нимъ вмѣстѣ въ Государственный Совѣтъ. — Касательно же занятія ими мѣстъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Его Высочество приказалъ мнѣ такъ распорядиться, чтобъ съ начала засѣданія до прочтенія Его Высочествомъ вно-

---

1) 1) Фонъ Дезену; 2) Мордвинову; 3) Маркову; 4) графу Милорадовичу; 5) князю Лобанову-Ростовскому 2-му; 6) Ланскому; 7) Карцову; 8) Шишкову; 9) Болотникову; 10) князю Голицыну; 11) князю Лопухину; 12) князю Куракину; 13) Саблукову; 14) графу Аракчееву; 15) князю Лобанову-Ростовскому 1-му; 16) графу Литтѣ; 17) Пашкову; 18) Тутолмину; 19) Сукину; 20) Васильчикову; 21) графу Нессельроду; 22) Канкрину; 23) князю Салтыкову; а 24) Сперанскому и 25) Татищеву было объявлено словесно.

симыхъ въ оное бумагъ, онъ бы сидѣлъ по правую сторону предсѣдателя, а подлѣ него Великій Князь Михаилъ Павловичъ, по прочтеніи же манифеста о возшествіи на престолъ, онъ пересядетъ на мѣсто предсѣдателя, а предсѣдатель займетъ его мѣсто, а Великій Князь Михаилъ Павловичъ останется на своемъ мѣстѣ. — Принявъ сіи приказанія, я поспѣшилъ въ комнаты Государственнаго Совѣта для надлежащихъ по сему предмету распоряженій. Пришедши туда, не успѣлъ я войти въ комнату Государственной Канцеляріи, какъ и князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, отворивъ двери, очутился вдругъ передо мной. — «Что вы такъ рано пожаловали, ваша свѣтлость,» сказалъ я ему. — «Хотѣлъ братецъ, посмотрѣть все ли у тебя въ порядкѣ» — отвѣчалъ онъ мнѣ. «Будьте, ради Бога, спокойны ваша свѣтлость, я свое дѣло въ точности исполню». — «Знаю, мой другъ, да видишь ли ты какія обстоятельства, все хочется, чтобъ было къ лучшему. Пожалуй, не сердись, право я это дѣлаю изъ желанія, чтобъ у тебя все шло хорошо». — «Спасибо ваша свѣтлость, премного спасибо. — Но будьте только спокойны. — Вы право уже насилу ходите». — За симъ увѣщаніемъ я сообщилъ ему приказаніе Его Высочества. — «Чтожъ (сказалъ князь), пойдемъ къ нему вмѣстѣ». «На что, ваша свѣтлость? — Чтобъ сказать, что все готово! «Помилуйте, нѣсколько только членовъ собрались — Великій Князь ожидаетъ брата своего Великаго Князя Михаила Павловича, и сказалъ мнѣ, что онъ дастъ мнѣ знать какъ скоро Его Высочество пріѣдетъ; что же мы тамъ будемъ дѣлать и безпокоить его попрасну». — «Ну, будь по твоему (сказалъ князь), станемъ дожидаться и съ симъ словомъ пошелъ въ комнату Совѣта. — Въ канцеляріи изъ чиновниковъ я никому не велѣлъ быть, кромѣ архиваріуса, помощника статсъ-секретаря Леонтьева и смотрителя за сторожевою командою; ибо назначенное засѣданіе было чрезвычайное и даже секретное. — Наконецъ, всѣ приглашенные члены явились, кромѣ графа Литты и Саблукова — за болѣзнію, и расположились въ комнатѣ Совѣта, а частью въ передней къ оной горницѣ. — Между тѣмъ, часы проходили въ ожиданіи Великаго Князя Михаила Павловича. Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ не присаживался и безпрестанно ходилъ изъ комнаты Совѣта въ канцелярію, часто меня приглашая посмотрѣть въ покояхъ Его Высочества Великаго Князя Николая Павловича, не пріѣхалъ ли Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

Такимъ образомъ, достигли мы до 11-ти часовъ ночи. — Члены Совѣта утомленные отъ ожиданія и пустыхъ между собою разговоровъ и, бесѣдуя въ разныхъ комнатахъ въ разныхъ углахъ, сидѣли уже въ молчаніи, разсѣянные по комнатѣ Совѣта, даже самъ князь Лопухинъ, уставши отъ безпрестанной ходьбы взадъ и впередъ, сидѣлъ на стулѣ въ передней комнатѣ Совѣта, какъ вдругъ къ намъ явился гофмаршалъ Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ съ предложеніемъ отъ имени Его Высочества Великаго Князя Николая Павловича — что такъ какъ Его Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ ожидается съ часу на часъ, а между тѣмъ уже поздно стало, то Его Высочество приказалъ изготовить ужинъ для членовъ Совѣта въ ближайшей комнатѣ къ оному, а именно — въ генералъ-адъютантской. Сіе предложеніе многихъ членовъ, удрученныхъ лѣтами и слабостью, нѣсколько оживило — и такъ мы стали уже ожидать ужина.

Чрезъ часъ мѣста, столъ былъ готовъ и всѣ члены, кромѣ троихъ, а именно: князя Лопухина, князя Куракина и графа Аракчеева, — прочіе пошли за столъ. — Такъ какъ я не ужинаю, то я было и остался въ комнатахъ Совѣта, однакожъ раз-

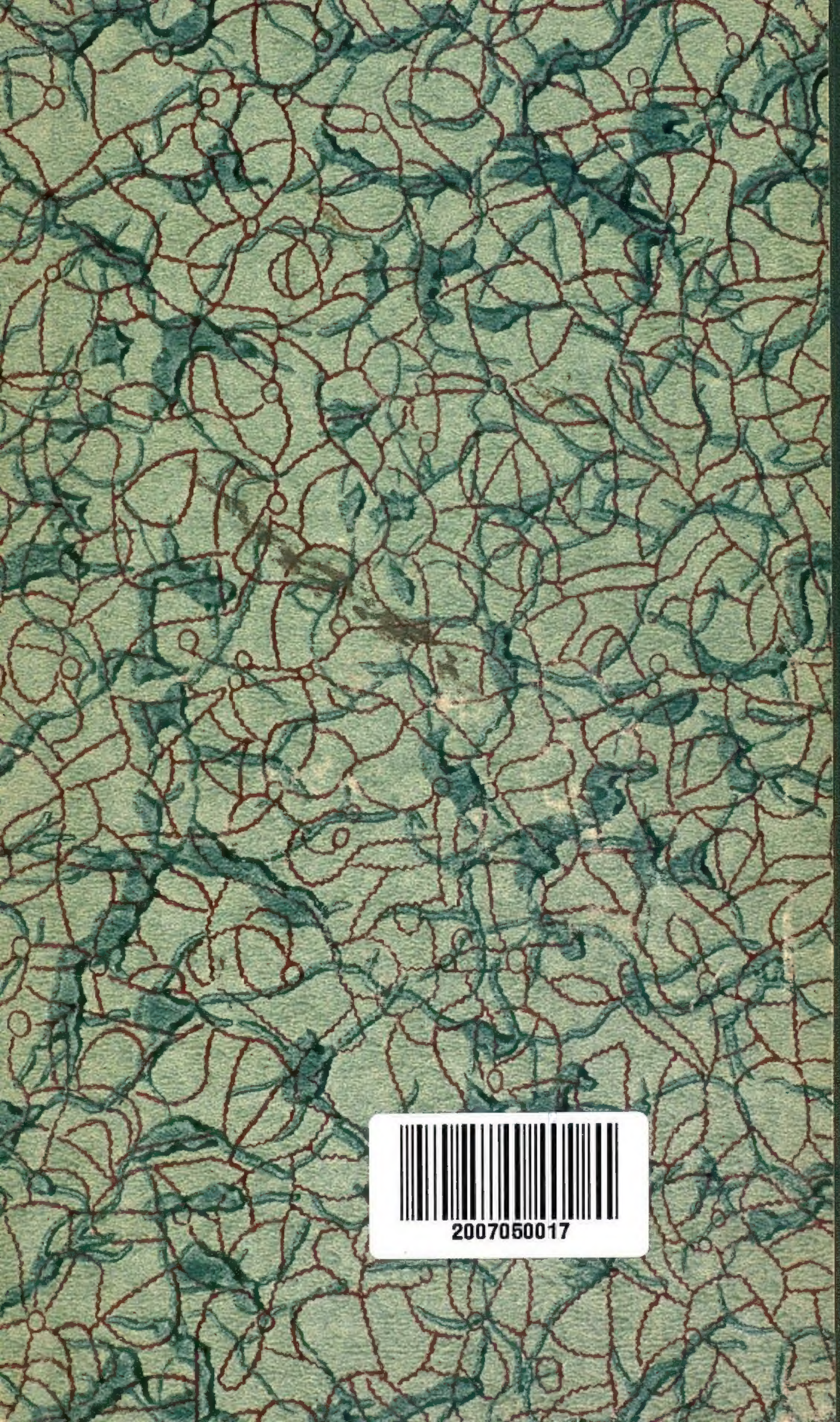
думалъ и со скуки пошелъ въ столовую, гдѣ, по примѣру des moutons de panurge, сѣлъ за столъ и нѣсколько пищи перехвативъ, всталъ изъ за стола съ нѣкоторыми изъ членовъ Государственнаго Совѣта и возвратился въ комнаты онаго, оставя другихъ наслаждаться брашномъ и питіемъ.

Пришедши, такъ сказать домой, по позднему уже времени, ибо около часу ночи уже было, по свойству моему спать во всякое время по произволу и на чемъ бы то ни было, я расположилъ походную, такъ сказать мою кровать въ канцеляріи Государственнаго Совѣта, поручивъ помощнику статсъ-секретаря Леонтьеву меня тотчасъ разбудить, если услышитъ о пріѣздѣ Великаго Князя Михаила Павловича.

И такъ, взявъ восемь стульевъ, я сдѣлалъ изъ нихъ родъ кровати, вмѣсто тюфяка я положилъ на нихъ свою шинель, а въ изголовье книгу дѣлъ Сенатскихъ и покрылъ себя.... (Этими словами рукопись оканчивается).

Напечатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, подъ наблюденіемъ секретаря Общества **А. А. Половцова.**

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин. № 12.)


2007050017